

Артмане не хочет НА УЛИЦЕ

народную артистку выгнали новые хозяева

Кассе. правая. - 1998. - 24 апреля. - с. 18, 19

А мне было не до гулянок. Я же всегда очень много работала. Да, я любила повеселиться, даже поозорничать, но к пьянке это не имело никакого отношения!

Дело в другом. Лет двадцать назад я была очень популярна в Советском Союзе, много ездила по стране, меня везде узнавали, за каждый моим шагом наблюдали. Может, кто-то увидел меня с рюмкой и распустил слух.

Нет, это все ерунда. Однажды мы с Артуром посчитали, и получилось, что на протяжении двенадцати лет я в среднем работала по восемнадцать часов в сутки. И вот доработалась...

Не знаю, как об этом рассказывать, но сейчас моя жизнь совершенно разрушена - нет денег, нет здоровья. Нужно собрать остатки сил, чтобы жить, заниматься творчеством, играть на сцене. Совсем недавно я ушла из Театра Яна Райниса, в котором проработала много лет. Последнее время у меня практически не было новых ролей, а без дела я очень тяготилась. Теперь состою в новой труппе, где мне предложили интересную работу.

- Сцена кормит?

- Ой, о чем вы? Я репетирую, играю для того, чтобы руки не опустились. Актерское ремесло мало похоже на бизнес, им даже на хлеб не зарабатываешь.

Вообще, как я вижу, в нашем роду с предпринимателями напряженно: дочка с зятем - художники. По нынешним временам тоже не самая хлебная профессия. Ребята талантливые, им бы искусством заниматься, но жизнь вынуждает братья за случайные заказы, подрабатывать.

- А у внучки способности к чему-нибудь прорезались?

- Второго апреля девочке исполнилось одиннадцать лет. Переходный возраст. Признаться, мне трудно находить общий язык с Бертой. С дочерью было как-то проще. Она была менее привередливая, что ли. Когда моей Кристиане исполнилось два с половиной месяца, я не побоялась взять ее с собой на съемки картины «Никто не хотел умирать».

- Няню нанимали?

- Вместо нянь были жены актеров, занятых в фильме.

- Кстати, рассказывают, что ваш муж, как бы в шутку долго открещивался от дочери. Мол, Кристиана не мой ребенок, у меня рождаются только мальчики.

- Да, ходил такой анекдот. Артур слыл очень ревнивым человеком - он ведь видел, какие красивые мужчины, замечательные партнеры меня окружали. Я никогда не оправдывалась, не опровергала слухи. Одно время упорно говорили, будто отец Кристианы Евгений Матвеев. Помню, я гуляла с дочкой в городском саду Риги, и самые разные люди подходили к коляске, где лежала моя девочка, и внима-

тельно вглядывались в лицо. Я все никак не могла понять: что они высматривают? А потом мне рассказали о Матвееве... Оказывается, любопытные граждане внешне сходство искали.

- И как? Нашли?

- Увы. Не похожи моя дочка и Матвеев. Впрочем, Евгений всегда только загадочно молчал и вслух не отрицал, что это его ребенок, чем только подливал масла в огонь. Конечно, Артур меня ревновал, но муж и сам был далеко не безгрешен.

- Кристиана - не слишком распространенное имя, особенно для середины шестидесятых годов.

- Так звали одну из героинь в пьесе, в которой мы с мужем когда-то играли вдвоем. Имя мне запомнилось, хотя фабула спектакля достаточно проста. Это рассказ о слепой музыкантше, чьим талантом восхищался весь мир. После операции девушке возвращают зрение, и тут выясняется, что пианистка она весьма посредственная...

Когда родилась дочка, хотела сначала назвать ее в честь своей матери Анной, но потом передумала.

- Из-за Кристианы и на про-

- Одно время упорно говорили, будто отец моей дочери Евгений Матвеев. Помню, люди внимательно вглядывались в ее лицо. Я все никак не могла понять: что они высматривают? Оказывается, любопытные граждане внешне сходство искали.

блемы с КГБ можно было ведь нарваться. В имени явно слышны религиозные мотивы, а тогда этого не любили.

- Как ни странно, чекисты меня никогда не трогали, более того, даже оберегали. Сама я к ним обращалась всего один раз: ходила на прием к тогдашнему председателю КГБ Латвии Пуго, просила за нашего актера Андриса Берзиньша, натворившего всяких глупостей. Сидела в кресле и потихоньку рассматривала кабинет Пуго: огромный письменный стол без единой бумажки, жесткая неудобная мебель... Помню, главный чекист республики даже спросил: вы что ищете? Но не могла же я сказать, что пытаюсь определить, где спрятаны подслушивающие микрофоны, верно?

Нет, я знала, что за ведущими актерами приглядывают, что в каждой зарубежной поездке к группе артистов приставлены сыщики. Скажем, мой первый выезд в солидную зарубежную страну: 1960 год, Париж. В делегацию входили Саша Галич, Юрий Герман, другие замечательные актеры, писатели. Был среди нас и странный человек, назвавшийся историком. Французы, поглядывая на него, только

посмеивались: в своей жизни они уже столько «историков» из СССР повидали... А я-то ни о чем не догадывалась. Как-то вечером вместе с еще двумя приятелями из Латвии я отправилась погулять на пляс Пигаль. Нам, конечно, настоятельно советовали не делать этого, но очень уж хотелось - мы слушаться не стали и даже позвали с собой этого «историка». Он с радостью согласился. Мы вернулись в гостиницу, а Саша Галич мне и говорит: «Вы зачем «хвост» за собой таскаете?» Хвост? Какой хвост? Галич вспыхнул: «Он же чекист!». Я даже расстроилась: «Да? А мне понравился...».

Ой, если вспоминать! Как-то все в том же Париже я ночевала в гостиничном номере без... двери. Подвыпивший сосед возвращался с ужина, не вписался в коридоре в поворот, неудачно облокотился о мою дверь, а она оказалась чуть ли не картонной. Гостиница «Монтевидео» была, наверное, одной из самых дешевых в городе, поэтому и номера в ней соответствующие... Словом, среди ночи я осталась возлгать на кровати, как на сцене, - ни спрятаться, ни скрыться. И смех, и грех!

Легендарный Николай Черкасов, который жил на другом этаже, утром, прознав о моих злоключениях, великодушно позвал к себе: «Идите, дитя мое, в ванную. Помойтесь, утешитесь». Я радостно побежала - у меня в номере даже душа не было...

Конечно, у меня могли быть проблемы - из-за того, что не туда ходила, не то говорила. Если задуматься, мое отчество - уже повод для конфликта.

- Фрицевна?

- Ну да! В России меня часто называли Францевной, но я упорно поправляла. И еще обязательно добавляла: впрочем, зовите, как хотите, но мой отец - Фриц. Рисковала угодить в невыездные? Наверное. Но я никогда об этом всерьез не задумывалась.

Спасало и то, что я из Прибалтики. К нам всегда было более мягкое отношение. Вроде как мы и советские, но немного и западные. Хотя реально никаких поблажек нам не делали. Взять те же заграничные командировки. На руки выдавали тридцать процентов суточных, то есть четыре доллара из двенадцати. Ума не приложу, как на такую сумму можно было день прожить, но ведь умудрялись! Более того, я ис-

... всегда красива.

хитрялась покупать какие-то сувениры, модные вещи, из-за чего слыла богачкой. Но это были преувеличения. Откуда сокровища, если в лучшие годы я зарабатывала по сто семьдесят рублей - инженер на заводе получал не намного меньше. К слову, это настоящее искусство: носить вещь так, чтобы она выглядела дороже своей цены.

- Свитерок, который на вас, наверное, из модного салона?

- Это вы пытаетесь сделать мне комплимент? Спасибо, но этот свитер я сама связала. Признаться, уже и забыла, когда в последний раз в модные салоны заглядывала. На экскурсии ходить глупо, а за покупками... Не по карману мне это.

Конечно, за долгую артистическую жизнь я должна была заработать хоть что-то и в старости гроши не считать. Мне даже внучка говорит: «Бабушка, а почему наш домик такой неказистый?». Я успокаиваю: «Берта, зато в глаза не бросается».

Правда, даже внешняя скромность не помогла: пару лет назад меня ограбили. В тот раз мы все остались ночевать в

Риге, а кто-то залез к дому. Внучка зашла первой: «Бабушка, телевизора нет! Бабушка, велосипед украли!». Такой был шикарный телевизор - «Филипс». И драгоценности, которые я за всю жизнь купила, тоже прибрали.

Очень, помню, тогда рассердилась. Полиция, конечно, никого не нашла, а может, и не искала. Каспер меня успокоил: «Что ты расстраиваешься, мама? Люди от бедности, безысходности на воровство идут. Неужели мы без телевизора не проживем?». И я подумала: действительно, проживем.

Всегда встречала трудности с вызовом, правда, сейчас как-то даже совестно улыбаться. Люди смотрят на тебя с каким-то недоумением и подозрением: чего, мол, вселиться?

Это меня действительно беспокоит. Если народ разучится радоваться жизни, верить в завтра, тогда дела совсем плохи. Надеюсь, до этого не дойдет. Во всяком случае я, как вы видите, улыбаюсь.

Андрей ВАНДЕНКО,
Карен МАРКАРЯН.